

человеке. Кроме этого, данные концепции стремятся экстраполировать свои принципы на онтологический уровень, тем самым, стараясь связать человека и мир в некую целостность, в которой они не могут рассматриваться в отрыве друг от друга. Это, в свою очередь, указывает на самостоятельность и оригинальность отечественной философско-антропологической традиции.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Заметки // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит., 1986. – с. 509-531.
2. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит., 1986. – с. 473-501.
3. Григорьян Б.Т. Философская антропология (Критич. очерк). – М.: Мысль, 1982.
4. Гурин С. П. Маргинальная антропология.
www.philosophy.ru/library/misc/margin/index.html.
5. Лазарев Ф.В., Брюс А. Литтл. Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию. – Симферополь: СОНАТ, 2001.

УДК 164

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ РЕЛЯТИВИЗМ В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА УИЛЛАРДА КУАЙНА

О.В. Овчеренко
Симферополь, Украина

Главные принципы концепции языка Куайна: принцип неопределенности перевода, принцип недоопределенности теории опытом, принцип неопределенности указания и принцип онтологической относительности.

Существуют критерии правильного перевода, которые определяются наблюдением за лингвистическим поведением носителей языка. В границах, определенных этими критериями, возможны различные схемы перевода, и не существует никакого объективного критерия, с помощью которого можно выделить единственно правильный перевод. Иначе говоря, неопределенность перевода означает, что две равным образом приемлемые схемы перевода языка Z1 на язык Z2 могут перевести данное предложение с языка Z1 соответственно двумя, отличными друг от друга, предложениями, которым единичный носитель языка Z1 приписывает различные истинностные значения.

Принятие двумя различными носителями языка несовместимых друг с другом, но эмпирически эквивалентных теорий приводит к тому, что они будут придавать различные истинностные значения предложениям, использующим одни и те же теоретические термины. Каковы же должны быть условия перевода таких теорий? По мнению Куайна, перевод теории будет зависеть от того, истинна, ложна или сомнительна она с точки зрения тех, кто говорит на языке переводчика. В том случае, если теория истинна, она должна быть переведена в теорию, которая считается истинной носителями языка Z2. Очевидно, если теория носителей языка Z1 ложна или сомнительна, теоретические термины

останутся непереуведенными. В любом случае перевод становится затруднительным, если возможны альтернативные пересмотры теории в языке Z1 при наличии одних и тех же эмпирических данных, т. е. в случае недоопределенности теории.

Более полное обоснование тезиса о неопределенности перевода возможно в том случае, если мы примем во внимание такую характеристику модели языка Куайна, как влияние опыта на всю структуру языка в целом, на все его уровни. Выделение этой характеристики позволяет объяснить, почему Куайн не в состоянии провести различие между терминами наблюдения и терминами, относящимися к наблюдению (типа «брат»), теоретическими предложениями. Именно потому, что в рамках куайновской модели часто невозможно отделить предложение одного уровня от другого, там нельзя также осуществить иерархический перевод теории – сравнение предложений и терминов соответствующего уровня. Суть тезиса о неопределенности перевода заключается не в утверждении, что два носителя языка могут по-разному судить об истинности предложения, а в том, что неправомерно само сочетание признания этого факта с признанием наличия у предложения жестко закрепленного значения.

Неопределенность перевода обусловлена так называемой холистической трактовкой природы языка. Иными словами, не имеет смысла спрашивать, что означает «gavagai» без привлечения других слов туземного языка, т.е. без употребления этого слова в структуре предложения. И поскольку в отношении каждого из этих слов возникает все та же неопределенность, переводится не одно слово, а целый языковой контекст. Но концептуальная сложность систем настолько в большинстве случаев велика, что допустимы различные переводы, исключаящие друг друга.

Куайн отмечает, что имеет смысл говорить не о том, чем являются объекты теории абсолютно, а о том, как одна теория об объектах интерпретируется в другую. Таким образом, согласно Куайну, имеется соответствие между словами (терминами) одной теории и терминами другой теории, утверждениями одной теории и утверждениями другой теории. Интерпретируя одну теорию в другую и повторяя этот процесс дальше, мы не можем прийти к такой стадии, на которой термины теории укажут с достаточной основательностью на объекты материального мира.

Однако обвинения Куайна в отступлении от теории истины как соответствия, т.е. корреспондентной, в пользу когерентной теории истины не будут полностью обоснованными. Весь подход Куайна к построению эмпирической модели освоения языка нацелен как раз на корреспондентную теорию. Кроме того, теория истины Тарского, служащая базисом для концепции Куайна, ближе к корреспондентной теории.

Целесообразно, кроме того, отметить следующее: понятие референции в тезисе о неопределенности оказывается не совсем корректным. Основным составляющим в понятии является релятивизация референции к схеме перевода. Так, понятие релятивизованной референции Куайна можно выразить следующим образом: для каждого сингулярного термина a , объекта x и схемы перевода M , a указывает на x относительно M , если и только если, схема перевода M отображает a в « x ».

В приведенной формулировке фигурирует как сам объект x , так и его имя « x ». Употребление имени подразумевает, что имеется отношение референции, но теперь уже референции, которая не релятивизована ни к какой схеме перевода. Таким образом, оказывается, что для формулировки тезиса о неопределенности перевода или неопределенности референции предварительно требует-

ся понятие абсолютной референции. Но его-то как раз и хотел устранить Куайн в пользу релятивизованной референции.

Хорошо известно, что Куайн апеллирует к неопределенности не только значения, но и указания. Выражение некоторого языка переводится как «кролик», «неотъемлемая часть кролика», «временной сегмент кролика». Переведенные выражения отличаются не только по значению, они истинны по отношению к разным вещам. Нельзя перевести туземное выражение *gavagai* только при помощи наглядного указания и добиваясь от туземца «да» или «нет» в ответ на выражение *gavagai*. Трудность заключается в том, что, как бы мы ни указывали на «кролика», мы одновременно указываем и на «временной сегмент кролика», и на «неотъемлемую часть кролика»; когда же мы указываем на его различные части, мы одновременно указываем и на целого кролика.

В реальной ситуации лингвист будет переводить «гавагаи» как «кролик», исходя из стремления указать на целое и устойчивое. В этом случае, по мнению Куайна, лингвист просто навязывает свою концептуальную схему тому, что объективно неопределенно.

Если принять тезис онтологической относительности, то как с позиции Куайна следует понимать взаимоотношения слов и реального мира? Согласно натуралистской интерпретации природы языка мы произносим слова и связываем их друг с другом в ответ на определённые эмпирические воздействия. При этом куайновское употребление понятий значения и указания предполагает, что мы имеем дело только с отношениями между словами и не выясняем их отношения к миру.

Особенности нашей концептуальной схемы, следуя которой мы выбираем в переводе «кролика», а не его части, во многом объясняется тем, что мы мыслим и говорим об объектах. При этом следует заметить, что, по мнению Куайна, все утверждения о кроликах обладают равноценным онтологическим статусом.

Согласно Куайну, имеется только одно основание для предпочтения перевода «гавагаи» как «кролика», а не как временного сегмента или неотъемлемой части кролика – индивидуализированная форма нашей концептуальной схемы.

УДК 316.42

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОЛНОВЫХ ПРОЦЕССОВ В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ*

К.В. Кабачевская
Симферополь, Украина

Первоначально понятие волны ассоциировалось с колебанием водной поверхности. Современное понимание феномена волны широко и многозначно.

В современном естествознании широко представлены определения этого понятия. Физическая энциклопедия под редакцией А.М. Прохорова определяет волну как «изменение некоторой совокупности физических величин (полей), способных перемещаться (распространяться), удаляясь от места их возникновения, или колебаться внутри ограниченных областей пространства».

Несмотря на развитый волновой анализ и достижения физиков, математиков, биологов и др. перенос опыта естественнонаучного исследования волн на